Александр Москаленко

В квадрате фотоснимка
запечатлённый миг:
бедовая косынка,
чумазый грузовик.
В колхоз на помощь едет
столичный институт
наперекор медведям,
которых много тут.
Лихая бесшабашность
в распахнутых глазах.
И нарочита важность
в мальчишеских басах.
В квадрате чёрно-белом
себя с трудом найду
наивным, неумелым
в неведомом году.
Работать – до упаду!
А полюбить – так влёт!
И ничего не надо.
И всё произойдёт

В беспамятстве,
в плену температур,
чрезмерных для здорового дыханья,
я чувствую тугое колыханье
изогнутых пространственных структур.
Рассеяв свет продолговатых ламп,
крадётся воздух длинным коридором
и тарахтит чахоточным мотором,
ползущий по стеклу аэроплан.

Остановилось время на стене –

недолог век китайской батарейки.
На слабенькой конфорке чай согрейте
и больше ничего не нужно мне.

Простуду побеждая не спеша
коричневым настоем горьких листьев,
я осознаю –
от меня зависит
во всей вселенной лишь одна душа,
которой все болезни не указ,
пока предназначенье не свершилось.
Инфекция –
инспекция и милость,
что изредка испытывает нас

Александр Москаленко

Я из жизни надежду вычел
и смирился уже давно
с пустотой вокруг.
Всё привычней
мне распахнутое окно
в полинявшее небо.
Поздно **одиночеству** изменять.
Звёзды ближе.
Всё ближе – звёзды.
И всё дальше отец и мать.
Ничего меня здесь не держит.
Я как ветром гонимый лист –
был от ветки на миг отвержен
и сорвался навеки вниз.
Завершаюсь я.
Завершаю неоконченные дела.
А казалось – что жизнь большая,
но дорога уже бела

Оттаявшая **магия весны**
сквозь форточку вплывала в тёмный дом,
в котором чувства были казнены.

Там люди уживаются с трудом,
смирившись с положением вещей,
со скудной пищей и тоской в глазах.
Пропитан воздух духом кислых щей
и нищетой, замоченной в тазах.

Соблазн гордыни в людях усмирён.
Какая польза от высоких фраз?
Царапал стену веткой старый клён.

Там пили невпопад и напоказ,
десятилетия пуская под откос,
не ведая ни горя, ни вины.
И не было ответа на вопрос –
кому нужна здесь магия весны

Александр Москаленко

Иную внешность обретая,
застыл **под первым снегом** сад
(здесь накренилась запятая,
отрезав все пути назад),
застигнутый зимой случайной
в последней трети октября.

Посвистывает старый чайник,
исправно кипяток творя
(тут – точка).
Жухлые листочки –
дары индийских деревень заварены,
их узелочки расправятся.

Блестит сирень,
черёмуху напоминая.
Под первым снегом сад застыл.
Куда нас вывезет кривая никто не знает.
Был да сплыл двадцатый век
(без многоточий его представить не могу)…
И горек чай.
И знобко очень
опять предчувствовать пургу

Высокомерно глядя в небеса,
ты спросишь:
отчего сегодня звёздно?
А в этот миг рождается роса
и вишни наливаются венозно.

Стоим у всей вселенной на виду,
и малости своей не ощущая,
пытаемся найти свою звезду,
которая всё видит и прощает.

Друг другу мы не выдадим секрет
росы и вишен,
внятный даже детям –
что глядя в небо,
видим **прошлый свет**

иных пространств,
былых тысячелетий

<u>Александр Москаленко</u>

У нынешнего вечера
лиловые глаза.
И суетиться нечего –
сгорели тормоза.
Лечу,
отвергнув правила,
по встречной полосе.
Луна меня избавила
от страха на шоссе.
Лечу и жду аварии –
пора столкнутся в лоб.
Наперекор сценарию
не будет фотопроб.
А вечер не кончается
и пустота вокруг.
И время истончается
прикосновеньем рук

Такая очумелая **сирень**
сады взорвала в судорожном мае,
что кажется –
рукой её задень –
и рухнешь навзничь,
запахам внимая
забытых лет,
где солнце сквозь листву
просвечивало заполошно ярко,

где верил я любому волшебству
и ждал передвижного зоопарка.
Счастливые кораблики надежд –
сирени пятипалые соцветья –
пронизывали призрачный рубеж,
который пересечь не могут дети

Александр Москаленко

Нежна –
пока ты не жена.
Покаты плечи –
небогато
ты мною воображена,
молотобойщица с плаката.
И нет надежды на фату,
и кружевную пену юбок.
Я выдумал совсем не ту,
которая меня полюбит.
Зато ей будет всё равно,
чем я на свете занимаюсь
и будет ей запрещено
являть сомнение и зависть.
Нужна –
пока ты не жена,
пока не вышла из плаката,

пока не определена
цена любви ценой расплаты

Над Окой,
над Москва-рекой
ты мой пепел рукой рассыпь
и сомнения успокой,
глядя на ледяную зыбь.

Это издревле повелось:
в воду – пепел,
а в землю – прах.
Нас бросало и вкривь, и вкось.
Мы терялись в чужих мирах.

Но друг друга едва найдя,
нам прощаться пришла пора.
Нет – ни дерева,
ни гвоздя мне не надо –
вода быстра.

Не печалься,
не хмурь бровей –
просьбу не сочти за труды:
ведь по знаку я – Водолей,
а по сути – **глоток воды**

Александр Москаленко

Шагаю по подтаявшим снегам –
меня опять испытывает **слякоть**
в пределах парка.
За забором – гам,

а утки на пруду забыли крякать –
их водяной овал околдовал
и даровал немного хлебных крошек:
кто в этом парке изредка бывал,
не преминул их подкормить с ладошек.
Февраль не собирается с весной бороться,
принимая пораженье заранее –
без боли головной,
но доводя до головокруженья
в пределах парка,
где остывший пруд
и слякоть под ногами на дорожках
и где мне никогда не подадут
на зябнущей ладони даже крошку

У меня под кожей **алюминий**,
я читаю по диагонали
и ладонью растворяю иней на стекле.
Получится едва ли разглядеть,
что за окном творится.
Не обременённые покоем,
проплывают скомканные лица
сквозь метель в забвенье городское.
Замедляясь,
жизнь течёт по кругу –
остановку исподволь пророча.
Я открою старую фрамугу,
отколю студёный кубик ночи –
чтобы никого не беспокоя,
отрешась от горечи и гнева,
поместить бестрепетной рукою
в пустоту,
зияющую слева